

КОСОЛАПЫИ ЛАКОМКА

Я приехал в одинокую, притулившуюся к скале избушку приятеля-лесника Ивана Тарасовича Гетмана.

Стоит ли говорить, как встретил меня хозяин! Помянули былое, поохотились — и снова я на пути к дому. Лежу на полке вагона, а рука сама тянется к авторучке. Хочу записать еще одну историю, которую поведали мне Гетман и его зять, кабардинец Хамид, — историю с косолапым.

Но сначала о хозяйстве Гетмана. Живности у него — один кабанчик. Вырастит лесник его пудов на семь-восемь и заколет под осень. А там и другого заводит. Корма кругом не то чтобы на кабанчика, целые фермы прокормить можно: груш, яблок, алычи, желудей хоть пруд пруди. Недаром в ущелье обитают целые гурты диких свиней.

Плодовые деревья, что растут за домом, вдоль ручья, лесник огородил жердочками не от человека, а от тех же диких свиней: мое, мол, не троньте.

Завел два улья.

В тот год весна в горах была капризной. То теплый дождь прольет, то снежную тучу принесет с Главного хребта. В самую пору, когда цвели груши и дикие яблоки, случился морозец, раз и другой. По склонам вымерзли завязи, но сад Гетмана лежал в низине. Под осень ветви гнулись от спелых плодов. Лесник не один раз прикидывал, сколько сушки запасет на компоты.

Заколот Иван Тарасович кабанчика, уложил в мешок пудовый окорок и с подарком отправился к племяннице в Баксан. Погостил три дня, вернулся домой и ахнул: самые спелые груши и

алыча отрясены начисто; изгородь изломана, под деревьями выбита трава. Пировали, конечно, дикие свиньи. Но отрясти деревья мог только медведь.

Старый лесник не судил об этом звере по сказкам, где медведь всегда рисуется неуклюжим и неповоротливым, да к тому же большим простаком, которого запросто обманывает лиса. Нет, Иван Тарасович отлично знал медведя как очень ловкого зверя, способного драться передними лапами, брать в них тяжелые предметы и переносить с места на место, отлично плавать и нырять, догонять лошадь. Знал как зверя, не обиженного и смекалкой. И вот ведь откуда ж такое берется: из многих сотен груш, слив или яблонь не полезет мишка на первую попавшуюся, выберет с самыми спелыми плодами. Взберется, отрясет и лакомится. Даже черешня — тонкая, гибкая, и человек-то с трудом на ней держится — а медведю хоть бы что. Заберется, устроится на развилке, обламывает ветки, поедает с них ягоды, а ветки не бросает на землю—все под себя, под себя, чтобы сидеть удобнее. Целое медвежье гнездо сложил из веток, хоть спать ложись.

Поохал лесник под голыми грушами и пошел в избу. Тут на глаза попался ему самодельный бидон из белой жести, чуть пониже обыкновенной фляги, что наливают молоком, только с широким горлом, вдвое шире, чем у той же фляги. Перед уходом в Баксан Иван Тарасович вытопил нутряной жир кабанчика, слил в этот бидон. Глянул — жир не застыл. Должно быть, слишком тепло в избе. Вынес его в сад, поставил под скалой в холодке.

Потом пошел к ручью, и вот — новая беда. На берегу валялся изломанный улей. Ни пчел, ни меда, только обсосанные обломки рамок. Похозяйничал косолапый, пока лесник был в отлучке.

Тут уж не на шутку осерчал лесник. Наспех прикрыл дверь избы и напрямик, через балку, поспешил к зятю Хамиду. Решил лесник на время привести к себе собак Буяна и Мишку. Иначе повадится косолапый разбойник, бед не оберешься. А вот как порвут его гачи Мишка с Буяном, небось навсегда забудет сюда дорогу.

Иван Тарасович мог бы выследить и убить зверя: мало ли в прежние годы он охотился на них. Но сейчас ему и в голову не пришла такая мысль. Уже много лет бок о бок жил лесник с медведями и вот только впервые пострадал от них. Кавказский медведь — не то что северный: уживается рядом с человеком и почти не вредит ему. Сибирский медведь с голодухи заламает и лошадь, и корову. А на Кавказе медведю пищи хоть отбавляй. И желуди, и орехи, лакомая трава вроде белокопытника, хвоща. Хватает дикой малины, черемухи, смородины, сладких, прихваченных морозцем гроздьев рябины, яблок и груш, всякой всячины.

И страшных «шатунов» на Кавказе не замечали. В берлогу медведи если и ложатся, то на самый короткий срок. Полежит в полудреме до первых оттепелей где-нибудь под выворотнем или под скалой. Снег по южным склонам сходит еще в феврале.

Нелегкий путь проделал лесник, пока сходил к зятю. Вернулся, глядь, а бидона под скалой как не было. Забыл о нем лесник второпях, когда собирался в путь. Лохматые Буян и Мишка понюхали место, где стоял бидон, вздыбили шерсть на загривках, прошли до ручья. И здесь закрутились, забегали, завилили хвостами, вроде бы провинились. Бидон со свиным жиром пропал. Вот уж поистине: пришла беда — отворяй ворота!

О том, что сало унес человек, не

могло быть и речи. Приезжий не мог забрести в такую глухомань, а среди местных жителей слово-то «вор» давно забыто. Лесник понимал, что похитителем мог быть только зверь, скорее всего, медведь, кому же еще утащить такую ношу? Да и медведю, раздумывал лесник, к чему бы тащить бидон? Ну, ладно, докатил до ручья и легко разорвал бы когтями жесьть.

Иван Тарасович не знал, что предпринять. Он сидел на крыльце, курил самокрутку за самокруткой, время от времени оглаживая свои обвислые усы.

На другой день, еще и роса не спала, к домику прискакал Хамид.

— Найдем вора, живо найдем,— обнадежил зять, когда Иван Трофимович поведал ему историю о про паже. — Забирай ружье, айда в горы!

Он спешился и привязал коня.

— Мишка, Буян, за мной!

Они не прошли ручьем и километра, как собаки неистово залапали в кустах. Но что за чудо? Над кустами, вверх дном, как живой, то поднимался... бидон, то опускался, будто плясал вприсядку. Охотники бросились туда. Бидон вдруг упал и покатился вместе с чем-то бурым, лохматым. То лохматое с яростью рвали собаки. Это был медведь. На голове его по самые плечи прочно сидел бидон.

Переведя дух, Хамид потянулся к ружью тестя.

— Давай кончать.

Лесник не торопился. Минуту стоял, раздумывая, потом взглянул в глаза зятя.

— А если попытаться освободить, а? — нерешительно сказал, скорее попросил старик.

— Цха! — прищелкнул языком Хамид. — Как освободишь? Медведь... Когти...

— Молодой, — с сожалением продолжал старик. — Спеленаем лапы и стащим бидон с башки.

Хамид покачал головой. Никогда еще не видел он тестя в таком состоянии. И вдруг Хамид решился:

— Жди! — крикнул он старику и

метнулся меж кустов в сторону избы.

Пока лесник отзывал и привязывал кушаком разъяренных псов, медведь продолжал с ревом кататься, подминая травы и кустарник.

Хамид появился с веревкой и топором. Вырубив рогатину, он прижал ею к земле задние ноги зверя, накиннул на них петлю и конец веревки прочно закрепил за ствол дикой груши. Потом той же рогатиной прижал к земле передние ноги зверя.

Иван Тарасович схватился обеими руками за бидон у днища и рванул его на себя. Зверь взревел. Старик рванул еще и еще. И вот бидон соскользнул с головы медведя. Темная морда его со свалявшейся шерстью была густо вымазана салом. Ни глаз, ни носа.

— А ну, в сторону! — крикнул Хамид. — За дерево! С медведем дружись, да за топор держись!

А медведь, как видно, и не думал о нападении. Сидя на задних лапах, он мотал головой как очумелый. Потом тихо, словно ощупью, побрел к кустам.

— Другой раз не попадайся, — пригрозил лесник, отвязывая псов. — Ату его, шельмеца, ату!

Собаки того и ждали. Бросились к медведю. Только теперь, видимо, пришел в себя косолапый. Прямо через колючие кусты ринулся он в гущу леса. Собаки за ним, но вскоре вернулись. Разве долго погоняешь медведя по колючкам!

К тому же косолапый лакомка и так получил по заслугам.